

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

№7

26 ИЮНЯ 2014

НАТАША И МЕЧТА

Ярослава Пулинович «Наташина мечта»
Театр для детей и молодёжи
«Свободное пространство», г. Орёл

Играть пьесу Ярославы Пулинович в Екатеринбурге – не самое благодарное дело. У нас есть «собственная» постановка по этой пьесе – моноспектакль Алисы Кравцовой в «Коляда-Театре». И не первый год мы видим на фестивале «Коляда-Plays» многочисленные постановки «Наташиной мечты» из других городов России. Показывали уже даже фильм по этой пьесе, созданный режиссёром, преподавателем киношколы в г. Лодзи (Польша) Павлом Щедликом (который в этом году является членом жюри фестиваля). В конце концов, предполагаю, что в нашем городе немало людей, просто прочитавших пьесу, ведь Екатеринбург лучше других знает её автора.

Наверное, поэтому в начале показа спектакля театра «Свободное пространство» чувствуется недоверие: словно зрители вряд ли ожидают, что их чем-то удивят. Но им интересно – ведь иначе бы они не пришли. И поначалу у актрисы, Валерии Жилиной, действительно «не идёт» диалог с залом. «Благополучная» Наташа – комсомолка, спортсменка и просто красавица – выражает свои эмоции почти одинаковыми ходульными интона-

циями, однообразной мимикой. Чувствуется, что первая половина пьесы (в оригинале, кстати, эта часть – вторая) для Валерии проходит как часть обязательной, но не очень любимой, программы.

Всё меняется, когда актриса становится Наташей-гопницей из детского дома. Её интонации теперь сложные и живые: девочка, не знающая, но страстно жаждущая, любви – любой, обычной человеческой – живёт и дышит перед нами. И ей сопереживает весь зал – плачет и смеётся. В истории этой Наташи труднее разобраться, чем в истории первой героини. Она принимает за истинную любовь вежливое и доброжелательное отношение парня, о котором не знает ничего, нападает и чуть не убивает в порыве ненависти его девушку, не подозревавшую даже о существовании Наташи. Её, лишённую семьи, какой-либо искренней заботы и опеки, страдание и боль накрывают с головой, у неё нет возможности выбраться из того ада – не только внешнего, но и внутреннего – в котором она живёт. Валерия Жилина рассказывает эту историю так, что у зрителя комок стоит в горле.

Евгения Плясунова

Яна, зрительница спектакля:

– У меня пока что слов даже нет, я под очень сильным впечатлением... Сейчас буду идти по улице и думать-думать-думать. Спектакль мне очень понравился – первую часть, правда, я не очень поняла, а вторая часть была очень сильная, эмоциональная. Актриса очень выкладывалась. Очень сложно играть моноспектакль – больше часа держать внимание зрителя – это невероятно трудно. И у неё это получилось!

«ХОЧУ, ЧТОБЫ НИКОГДА НЕ ПРОПАДАЛ АЗАРТ», —

**Валерия Жилина,
актриса спектакля «Наташина мечта»**

Вам сложно приходиться в себя после этого спектакля?

Да, очень сложно. Особенно, когда чувствуешь, что тебя не очень хотят слушать, когда отдачи нет. Приходится искать какие-то невероятные силы для того, чтобы всё равно донести до людей то, что ты хочешь сказать. И это бывает на грани таких сильных эмоций, что потом долго не могу прийти в себя.

Сегодня было ощущение, что вас не хотят слушать?

Да, к сожалению, такое бывает. Мне кажется, что для Екатеринбурга это уже слишком знакомая пьеса. Например, в нашем городе или в Литве (туда мы возили этот спектакль) — совершенно другие эмоции, потому что для них это новинка: новые персонажи, новый текст. Кстати, в Литве было ощущение, что мир вывернулся наизнанку: они кричали «Браво!» девочке, которая победила, а не становились на сторону той, у которой большое горе и такая сложная жизненная ситуация. В России наоборот.

И вам легче было вторую часть играть — про Наташу из детдома?

Да, мне легче её играть, потому что она моя родная: поначалу я не полностью играла сама весь спектакль, первую часть про Наташу из благополучной семьи играла другая актриса. Поэтому сегодня для меня этот спектакль — почти премьера. Но вторая часть для меня идёт легче ещё и пото-

му, что по моим человеческим качествам первая Наташа от меня очень далёкая.

Расскажите про этих двух Наташ — как вы их понимаете?

Первая Наташа — она очень ревнивая, очень завистливая. Но при этом очень упорная, знает, что в жизни всегда надо бороться, побеждать. Вторая Наташа тоже всю жизнь борется, но она этого не хочет. Для первой борьба — сознательный выбор, её жизнь, ей нравится соперничество, лидерство. А другая Наташа просто выброшена в жизненный океан, как маленький поплавок, и ей приходится быть лидером. Но душа-то у неё абсолютно другая!

Как вы думаете, эта Наташа сможет выжить?

Я бы очень хотела, чтобы она выжила. Но мне кажется, что её сломали — как сломали её заколочку в конце. К сожалению, в нашей жизни так бывает.

Как вы выбрали эту пьесу?

У нас был проект — мы просто читали пьесы на зрителя, такая проверка новых пьес, новой драмы. Одной из них была «Наташина мечта». Александр Алексеевич (Александр Алексеевич Михайлов, заслуженный деятель искусств РФ, художественный руководитель театра «Свободное пространство, режиссёр спектакля — Ред.) послушал, как я читаю эту пьесу, именно ту часть, про Наташу из детского дома, и сказал: «А может, не будем читать, сразу попробуем сделать моноспектакль?» Так и получилось. Потом присоединили первую часть пьесы, взяли ещё одну актрису.

С какими сложностями вы столкнулись, когда стали делать моноспектакль?

Конечно, главная трудность в том, чтобы не потерять внимание зрителя, но при этом знать и не забывать, о чём ты говоришь. Актёры — тоже люди, у них может что-то болеть, что-то может быть в жизни не так... но ты выходишь на сцену и должен знать, о чём говоришь. В этом спектакле, в этой пьесе, очень тяжёлые вещи происходят и главное — на сцене не показать, что ты сдался.

Валерия, а какая у вас мечта?

Наверное, как любой нормальный человек, мечтаю, чтобы у меня была семья, чтобы всё в профессии удавалось, чтобы реализоваться ещё больше. Хочу, чтобы никогда не пропал азарт — к жизни и к профессии, потому что без него никак!

Беседовала Евгения Плясунова

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

Валерий Шергин «Колбаса / Фрагменты»
Проект «Открытая сцена», г. Москва

Кому забавным совпадением, а кому и потенциально актуальным трендом может показаться тот факт, что на сцене ЦСД второй день подряд играют спектакли о хорошем отношении к животным. В спектакле «Про коров» мы следили за душещипательной историей спасения подыхающего с голоду коровьего стада, теперь спектакль «Колбаса / Фрагменты» поведал нам о незавидной поросычье доле на Руси. Но если первый спектакль брал «по серьёзу» с выездами на «место событий», «прямыми включениями» и пометкой «основано на реальных событиях», то спектакль Ксении Зориной оказался выдержан в весьма минималистическом, почти этюдном духе: минимум реквизита, полное отсутствие музыки, весьма условная актёрская игра.

В этом смысле главной находкой спектакля «Колбаса / Фрагменты» стала живая свинья, в смысле, актёр, играющий свинью, предназначенную на колбасный убой и попутно становящуюся свидетелем типичного бытового раздрая в средней полосе России.

Такое сценическое «вочеловечивание» слово завершает весь обыгранный в пьесе Валерия Шергина жизненный цикл типичного борова: ему дают имя, заботятся, чешут за ухом, разговаривают – в общем, ведут себя, как с человеком, разве что не самым собразительным, а потом... Колбаса, конечно. Из альтернативных вариантов возможен ещё холодец, но в целом удел животинки сугубо кулинарный, а при человеческой внешности порося это уже напрямую ассоциируется с каннибализмом.

Игравший эту роль Иван Лоскутов обошёлся без хрюканья и прочих биологических подробностей. Только «широко раскрытые» глаза, в кото-

рых мелькает то доверие, то непонимание, и вечная улыбка, немного востороженная, немного виноватая, слегка дебильная – и вот он, законченный и совершенный образ российского свина: невинной жертвы, принесённой во имя семейного благополучия и процветания – закуски на свадебном столе.

Забегая вперёд и нещадно спойлера, надо сказать, что жертва оказывается исключительно напрасной и бессмысленной, поскольку по ходу подготовки к свадьбе разваливается одна семья, а новый, наспех сколоченный брак разваливается уже в финале.

Удивительно при этом, что по-кинематографически сложенный текст Шергина с пробросами и флэшбэками, с отдельными аттракционами в виде мифов, легенд и обрядов, по версии проекта «Открытая сцена» получился монотонным и медлительным, особенно первая половина спектакля. Многозначительные паузы между репликами иной раз могут превышать по продолжительности фирменные «мхатовские». Возможно, в этих перерывах на зрителя должно нисходить озарение на тему сказанного, но в целом, несколько более динамичное развитие событий никому не повредило бы.

Алексей Еньшин

«МНЕ ИНТЕРЕСНО, КАК ЗВУЧИТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЛОВО», —

Ксения Зорина,
режиссёр спектакля «Колбаса/Фрагменты»

Как собиралась команда на этот спектакль?

Два года назад эта пьеса Шергина была на конкурсе «Действующие лица» в Москве. Там перед объявлением победителей принято делать представление пьесы. И тогда я вместе с актёром Николаем Шатохиным, исполнителем роли Михаила, дела-

ла небольшой отрывок из «Колбасы». Нам очень понравилось... И поскольку была хорошая пьеса, был актёр на главную роль, имело смысл продолжать работать. Мы начали искать артистов на остальные роли. Мне кажется, у нас собрался замечательный коллектив: все в разных театрах играют, с трудом отрывают время от своих основных работ. Вот, например, Алексей Блохин – это народный артист, который играет в РАМТе по два спектакля в день, и каким фантастическим образом он находит время на нас – непонятно.

Продолжение на с. 4

Начало на с. 3

Делали мы спектакль долго, почти два года. Репетировать негде, крыши над головой нет... Но в конце концов мы получили грант «Открытой сцены», там спектакль и выпустили.

Чем вас привлекла пьеса?

Там замечательный текст и потрясающие роли для артистов. Там все – живые люди. У всех есть абсолютно равноценные человеческие истории. Там нет ни малейшего намека на неуважение к человеку. Наоборот, там каждый человек во всей своей многогранности и глубине представлен. Это огромная авторская заслуга. Хорошие большие роли на современном материале – это подарок для артистов. Они разбивают представления об амплуа, позволяют сыграть то, что в традиционной драматургии актёры, может быть, никогда бы не получили.

Это текст, из которого при желании можно вычитать очень много смыслов. Он многослойный, его интересно дешифровать. И он классичен, в хорошем смысле. Вообще Шергин очень литературно пишет и всегда опирается на большой пласт мировой литературы. Она у него прямо торчит отовсюду. Я все его пьесы читала, они мне очень нравятся. Но «Колбасу» я, вне всякого сомнения, считаю его лучшей пьесой.

А про что для вас эта история?

Невозможно сказать одним словом. Десять человек, десять историй. На мой взгляд, там совершенно очевидно заложены христианские смыслы. И в некотором смысле, это история про человека как такового. Всё, что в человеке есть, разными гранями там повернуто. Там человека можно рассмот-

реть в десяти лицах с такой подробностью, когда каждый, абсолютно каждый – герой. Абсолютно каждый – жертва. Абсолютно каждый идёт своим путём, в общем-то, ... на Голгофу. Для меня это спектакль про человека.

У вас в спектакле нет музыки, нет игры света, и большую часть текста актёры говорят, сидя на стульях... Это для вас привычная манера режиссуры или нет?

Текст очень хитро написан, и он во многом на это провоцирует. Пьеса, к счастью, не вполне реалистическая. Именно не вполне реалистические вещи сейчас имеют наибольший потенциал. И некоторые моменты, которые вы в спектакле увидели, сделаны для того, чтобы эту нереалистичность проявить. Некоторые же вещи обусловлены техническими задачами. Например, в тех маленьких пространствах, в которых мы играем, очень нелегко заходить на сцену и выходить.

Когда артисты сидят на сцене, в этом меньше вранья, чем когда они уходят за кулисы и выходят из-за кулис. Я не могу сказать, что я этот прием украла. Мне кажется, это вообще современная тенденция. У Валентина Самохина, который играет Александра, в Москве идёт шесть спектаклей, и в пяти из них он всё время находится на сцене. Что касается того, что нет музыки... Я, действительно, не очень люблю музыку в спектаклях. Мне интересно, как звучит человеческое слово. Мне кажется, что музыка затеняет актёра. И, опять же, на малой сцене размахивание светом – это очень театрально при том, что ничего не даёт. Чем меньше вы изображаете, что что-то делаете, тем больше происходит.

Когда вы работаете с современной драматургией, с ныне живущими авторами, вы испытываете чувство какой-то особой ответственности?

Живой автор – это, действительно, очень интересно. Валера видел когда-то эскиз и сказал: «Делайте, что хотите». Я очень ценю его за то, что он не выставляет авторских условий. Главную Валерину претензию я знаю: он считает, что наши актёры говорят очень медленно, потому что в Удмуртии люди говорят быстро... Но так нам надо. К автору не нужно подходить слишком близко. И не нужно у него спрашивать: «Что ты хотел сказать?» Автор всё написал, и смыслы нужно из текста вычитывать. Если что-то можно вычитать, значит это заложено. Даже, если автор потом придёт, начнёт возмущаться и бить посуду. Поздно! Ты уже поставил точку. В этом смысле современные авторы ничем не отличаются от классиков.

Беседовала Инна Афанасьева

СЕМЬ ЧАСОВ ДО УБИЙСТВА

Константин Костенко «Сатори»
Свердловский государственный академический
театр музыкальной комедии,
Центр современной драматургии, г. Екатеринбург

«Сатори» – это эксперимент в одном действии, где на сцене сочетаются драматический театр, современный балет и опереточное пение. Но кто сказал, что это невозможно представить в рамках одного спектакля? Режиссёр Александр Вахов не боится рушить стереотипы и делает это, надо сказать, с большим успехом.

Занавес пока закрыт, на сцене только пронзительно-пронзительно звучит скрипка... Музыка создаёт напряжённую атмосферу в зале, подготавливая зрителя к трагедии, с которой начнётся спектакль – убийству. Сын убивает отца. А потом будет рассказано, как и почему это произошло. На сцене пролетят события роковых семи часов из жизни героев, которые поставят их перед выбором, как прожить свою жизнь. Какой путь они выберут. И куда это приведёт.

Главный герой Иван (Максим Чопчиян) прописан в пьесе, как «эмоционально сдержанный молодой человек с серьёзным, неулыбающимся лицом», плывущий по течению, не строя никаких планов на будущее. В спектакле этот герой – сложная натура. Он мечется в челове-

ском мире, стараясь найти в нём своё место. Человек без идеалов и цели в жизни, он олицетворяет большинство своих современников, которые перед тем, как найти свой путь, вынуждены совершить множество ошибок, в том числе непоправимых. После смерти матери Иван находит своего отца. Он видит его мелкую, несправедную жизнь, такие мнимые ценности и сиюминутные желания. Иван быстро понимает, что взгляд на мир, навязываемый отцом, чужд ему и противен.

Георгий Николаенко, отец Ивана (Сергей Фёдоров), тщедушный маленький человек, живущий в мире, где вера в Бога – дело наживное; где ради денег не стыдно и перед добродетелем, подобно червяку, поползать; где грязное удовольствие есть неотъемлемая человеческая потребность. Пороки давно заглушили в нём светлое начало. Сергей Фёдоров гениально играет «погибшего человека», в каждой сцене доводя своего героя до самого края. На протяжении спектакля мы наблюдаем, как простой предприниматель в стандартном деловом костюме открывает зрителю всё новые и новые стороны сидящего внутри него бесноватого существа, которое вызывает ужас и отторжение. Создаётся впечатление, что душа его давно умерла, а тело тлеет, как погребённое.

В реальности, где потребительское отношение к жизни – единственно возможное, где высшее благо – нажива и комфорт, есть всего один светлый разум, которому отводится роль душевнобольного. Это брат Георгия Николаенко, Владимир (замечательный Антон Макушин). Он, как и отец Ивана, предлагает герою свою правду, размышляя о человеческой природе, о предназначении... Но его глубокие философские рассуждения обращены, скорее, в зал, в никуда... потому что дяде в этом повествовании отведена лишь роль Хора.

Инертный по своему характеру, но движимый чувством ненависти к отцу, Иван идёт на отчаянный поступок – убийство. Оно становится крайней точкой в неприязни чуждого ему мира – и тем самым приводит Ивана к внезапному прозрению... В программке указан жанр спектакля: предчувствие. Предчувствие прозрения, которое достаётся так тяжело!

Лидия Корзун, Юлия Серебрякова

«БРАТЬ ОТ ЖИЗНИ ВСЁ», —

Александр Вахов,
режиссёр спектаклей «Сатори», «Концлагеристы»

Саша, в прошлом году один твой проект участвовал в off-программе, в этом году — два спектакля в основной, и ещё один — в off. Как ты так вырос всего за год? Так работать хочется?

Конечно! Хочется работать, очень. Может быть, пока не хватает каких-то возможностей, например, финансовых. Или умений, например, организационных... Всё происходит больше пока от огромного желания, чем от того, что тебе всё дали. Но это хорошо. Есть куда стремиться. Конечно, здорово, когда всё сразу есть, и ты катаешься, как сыр в масле... Но это совершенно не способствует ни творческому росту, ни развитию. Как говорят, художник должен быть голодным — так и театр должен быть голодным. Голодным до новых спектаклей, до поиска, до экспериментов. Вот те спектакли, которые участвуют в фестивале, особенно «Концлагеристы», были сделаны что называется, «на энтузиазме». Финансовая поддержка была от минкультуры в виде гранта на молодую режиссуру, я хоть актёрам смог немного заплатить, за это спасибо. Ведь мы репетировали в их свободное время. То есть, заканчивается утренняя репетиция, и вместо того, чтобы идти домой отдыхать до вечернего спектакля, они эти два часа тратят ещё на одну репетицию... Слава Богу, благополучно выпустились, и, мне кажется, хороший спектакль получился.

В Екатеринбурге о тебе заговорили. Ты берёшься за пьесы, которые называют «жесть». Приглашаешь самых востребованных артистов, и они соглашаются...

Да. А чего стесняться? Брать от жизни — так по полной! Если бы Макушин, Ягодин или Фёдоров не согласились, я бы тоже понял. Но согласились же. Спросить-то всегда стоит. (Смеётся.) Вообще я думаю, что всем артистам полезно поработать с разными режиссёрами, это разнообразие, творческий рост, поиск, общение. Спасибо Николаю Владимировичу за то, что... Может это даже писать не надо? Спасибо — и всё. Он поймёт. У меня не было больших постановок, и как раз когда со мной пошли работать ребята — это были первые спектакли, в которых я смог проверить, что я могу, и прикинуть, что смогу дальше. Для меня большая честь работать с ними. Я им очень благодарен, и уважаю их за смелость и, ну некий... скажем так, авантюризм.

«Сатори» — первый большой проект. И не в родных стенах уютного и простого «Коляда-Театра», а в «золотомасочном» Театре музыкальной комедии... Страшно не было?

Да уж, это был вообще экстрим! Но не в смысле, что боялся — нет, я чётко знал, чего я хочу и что стану делать. Надо было в чётко заданные сроки, со сметой и всеми делами, которых я толком ещё не умею (но везде, во всём мире всё так и есть, это надо уметь!) осуществить постановку. А главные опасения были другого рода: это Музкомедия, туда ходит зритель определённый, настроенный на свои эмоции и впечатления... И вот открывается в этом театре экспериментальная сцена — и ему вдруг предлагают пьесу Костенко! Тут, конечно, очень большой молодец Михаил Вячеславович Сафронов (директор театра), что эту новую сцену «пробил», открыл, за то, как она шикарно оборудована, и... за то, кого он туда пускает! (Смеётся.) Он позиционирует её как экспериментальную, и это не голословное заявление. Костенко — это новая драма, и автор достаточно скандальный, персона non grata... Ещё и артисты из «Коляда-Театра». Это смелость нужна и убеждённость, чтобы такое допустить! Ходили разные слухи: в Музкомедии — чернуха, порнуха... Я тогда ещё сам, когда репетировал, был налысо стриженный, с бородой, и меня обозвали «гопник-режиссёр». Говорили: «А это тот гопник, который порнуху ставит?!» А Сафронов «не повёлся», пришёл и сам лично посмотрел. В итоге — сезон уже играем. И всё хорошо. И зал реагирует, как надо: где надо смеются, где надо сидят тихо — слушают, смотрят во все глаза. Не отрываясь смотрят!

А следующая твоя работа «Концлагеристы». Квентин Тарантино с удмуртской жестью перемешанный...

Это не Квентин Тарантино — это Валера Шергин! Вот, спрашивают: как вы нашли эту пьесу? Да никак, это она меня нашла! Я, как прочитал, так и понял: «О-о! Буду ставить, всеми правдами и неправдами, не знаю как и на какие средства... но поставлю. Надо сделать, не могу не сделать!» Результат лучше своими глазами посмотреть. Кстати, Валера сейчас пишет для меня на заказ ещё одну пьесу...

Та-аак! Интрига на будущий год у нас появляется?

Да, именно так. Это тоже будет блокбастер, типа «Концлагеристов», замес будет не хуже, а пока... всё. Деталей не буду раскрывать.

Беседовала Вера Цвиткис

Выпуск подготовили:

Елена Гецевич,
Вера Цвиткис

Добавить в избранное!
Все новости фестиваля
на www.domaktera.ru

